

КНИГА,
ЗАПРЕЩЕННАЯ
НА УКРАИНЕ

АЛЕКСАНДР

ПРОДАНО
9 000 000
КНИГ

ТАМОНИКОВ

ДОНБАСС

ПУТЬ ЯРОСТИ

НИКОГДА НЕ ПОВОРАЧИВАЙСЯ К ВРАГУ СПИНОЙ

Александр Александрович Тамоников

Путь ярости

Серия «Донбасс»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=13136148

Тамоников, Александр Александрович. Путь ярости: Эксмо; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-84698-6

Аннотация

Отлично обученные и натасканные диверсанты из США готовятся провести несколько молниеносных операций в районе Донбасса. Одна из них – ликвидация комбрига «Крым» полковника Прохорова. Диверсанты неприметны, ничем не выделяются среди местного населения, действуют дерзко, жестоко и в высшей степени профессионально. Малейшая нерасторопность или ошибка могут стоить ополченцам слишком дорого. Капитан Никита Турченко со своей группой бойцов бросает заморским гостям вызов. Ему помогают донбасские разведчики, собирающие по крупицам информацию о наемниках. Анна Решко, случайная свидетельница, описывает внешность американцев. И вот уже выяснены их имена. Маски с диверсантов сорваны. Осталось лишь накормить их свинцом Донбасса...

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Тамоников

Путь ярости

Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.

Любые совпадения случайны и непреднамеренны.
А. Тамоников

© Тамоников А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Казарма ополчения на краю Ждановки горела сильно и ярко. Сполохи пламени взмывали в звездное небо, распадалась на пылающие крупницы, как фрагменты фейерверка, и плавно опускались на землю. Поочередно взрывались газовые баллоны в подвале, добавляя зрелищности. Казарма находилась на опушке – от леса ее отделяли несколько сараев и пустырь, заваленный мусором. Городок обрывался кирпично-деревянным двухэтажным баракom, в котором ранее находилось общежитие казенного завода химических изделий. Явление для маленького городка исключительное – Ждановка находилась в глубоком тылу, в полусотне километров южнее Луганска. Ее никогда не обстреливали, не взрывали, в ней стоял лишь небольшой гарнизон ополчения и располагался штаб мотострелкового батальона, подчиненного командованию бригады «Крым». До войны в городке проживало около тридцати тысяч человек, к лету 2015 года осталось не более половины – кто-то подался в Россию, до которой было полтора часа езды, кто-то нашел убежище в соседних областях Украины. Из «достопримечательностей» в городке можно было отметить лишь упомянутый казенный завод и хранилище радиоактивных отходов на севере, обладающее дурной славой и мало способствующее инвестиционной привлекательности региона.

В районе действовал диверсионный отряд «Тени» – детище киевского режима, призванное пакостить властям самопровозглашенной республики. В местных лесах они неплохо себя чувствовали. База отряда располагалась в шести верстах западнее Ждановки – в труднопроходимом осиннике. Низина охранялась, были продуманы и оборудованы пути отхода, в том числе по примыкающему болоту. С базы переодетые диверсанты осуществляли набеги на местные поселки и объекты инфраструктуры. «Подъем, развод, разбой», – шутили диверсанты. Нападениям подвергались колонны техники ополчения (осуществляли несколько залпов из гранатометов и спешили уйти), сжигались дома местных активистов; было уничтожено отделение «Банка Новороссии» в Язовке – шестеро боевиков, переодетых ополченцами, вошли в поселок и устроили бойню, подорвав отделение вместе с находящимися там сотрудниками. О том, что ополченцы ушли из поселка, диверсанты прекрасно знали. Когда прибыл «летучий отряд» на джипах, боевиков и след простыл, а на месте банка высилась груда дымящихся развалин.

Ликвидировать эту банду не могли уже целый месяц. Диверсанты владели информацией – ее предоставляли внедренные агенты и предатели из числа местных чиновников и военных. Ночную атаку на Ждановку тоже продумали. Гарнизон находился в глубоком тылу – бдительность соответствовала. Комендант общежития – некий Бабарыка Опанас Софронович – был на крючке у «лесных братьев». Лояль-

ность держалась на страхе – сутками ранее в дом коменданта заглянули трое в форме бойцов мятежной республики и взяли в заложники семью. «Террористическую» власть Опанас Софронович не любил, но героем не был. Пришлось ломать себя через колено. В казарме жили бойцы комендантской роты – без малого сотня душ. Из трех взводов всегда присутствовал один – люди отдыхали перед заступлением в караул. Случалось, взводы пересекались. Этой ночью в казарме должны были ночевать не меньше шестидесяти бойцов. Господину Бабарыке предстояло работать в контакте с диверсантами. В его задачу входило заложить взрывчатку, а людям в лесу – в подходящий момент повернуть рукоятку дистанционного взрывателя. Организовать диверсию оказалось несложно. В девять вечера Бабарыка подъехал на грузовичке к задней двери общежития, рядом с которой находился спуск в подвал. Он был немного бледен, но работал уверенно. Вытащил из кузова мешок, взвалил на плечо и потащил к подвальной двери. Все это видели часовые. Рядом в беседке курили местные поварихи – незамужние сорокалетние дамы.

– Что несем, Опанас Софронович? – заступил дорогу охранник. Комендант, вздохнув, опустил мешок на землю, развязал. Ополченец сунул туда нос, поворошил прикладом древесные угли.

– Ладно, тащи, – поднял голову на коменданта. Тот глупо улыбался, был каким-то приторможенным. – Ау, завис, Со-

фроныч?

– Перезагрузим? – засмеялся сослуживец.

– Лучше бы помог, – опомнился комендант и вновь взвалил мешок на плечо. – Для вас, между прочим, стараюсь.

– Тащи уж, – отмахнулся ополченец. – Мы тоже для вас, местечковых, стараемся. А то была нужда из Забайкалья сапоги стирать.

Часовые потеряли интерес к коменданту. Он оттащил мешок в подвал, вернулся, взялся за второй.

– Такой приятный мужчина, – вздохнула курящая в беседке повариха, провожая взглядом сутулую спину. Вторая прыснула.

– Не лезь, Маришка. У мужчины жена и семеро по лавкам.

– Ну, да, хорошая жена, – фыркнула первая. – Слухи ходят, что она спуталась с каким-то офицером из Московии. А может, врут люди, слухи, все такое... Когда ей шуры-муры крутить, если семеро по лавкам?

Грузчиков и кочегаров в штате общежития не держали. Приходилось все делать самому. Бабарыка перетасил в подвал пять мешков. В третьем и четвертом лежали шашки взрывчатки, переданной Бабарыке лично командиром «героического» украинского отряда. Пятнадцать килограммов спрессованного взрывчатого состава IMX-101, разработанного в Америке для армии США на замену непредсказуемому тринитротолуолу. Убедившись, что в подвале, кроме него, никого нет, Бабарыка складировал уголь возле печ-

ки, а взрывчатку стал распределять, как было сказано – рядом с вентиляционной отдушиной над спальным помещением. Обложил ею запасные газовые баллоны, используемые на кухне. Его возня осталась незамеченной. Завершив минирование, комендант позвонил по телефону, отчитался о проделанной работе.

«Сколько террористов в казарме?» – спросили из леса.

«Взвод, – отозвался Бабарыка. – Скоро прибудет второй».

«Сразу доложите, – последовала команда. – И у вас будет ровно две минуты, чтобы покинуть здание».

В доброту боевиков Бабарыка не верил – сидеть на пороховой бочке не было никакого желания. Но остатки выдержки уберегли от резких движений. Все-таки взрывчатка дорогая (видимо, поставленная заокеанскими партнерами, как «не летальное» оружие), использовать будут при максимальном скоплении народа. Задница чесалась, но Опанас Софронович находился в здании, создавая видимость усердной работы. Поругался с кладовщиком по поводу странного отсутствия постельных принадлежностей (хотя чему тут удивляться – что имеем, то и ворует), покурил с командиром взвода ополченцев Котляром – выслушал замшелый анекдот и даже вяло улыбнулся. Без пары минут десять во дворе общежития остановился грузовик, набитый ополченцами. Усталые бойцы спрыгивали на землю, с шутками и прибаутками топали в казарму. Комендант Бабарыка обливался потом.

– Приболел, Софроныч? – хлопнул его по плечу старший лейтенант Стриж. – Будем лечиться. Приходи через полчасика в офицерское «купе», накапаем микстуры, не обидим.

Находиться в здании он уже не мог. Ноги волокли прочь. Но звонить своим подельникам Бабарыка боялся – не верил, что ему дадут время выйти живым.

«Отойду подальше и позвоню», – решил он.

Божьей милостью в казарме отключили свет. Событие просто совпало с подготовкой к теракту. На улице уже стемнело, и возмущению ополченцев, готовящихся отойти ко сну, не было предела. Нужно мыться, стираться, кипятить воду для вечерних чайных церемоний! В соседних зданиях свет не отключали – значит, это не было общегородской аварией. Проблема заключалась в щитке – видимо, выбило пробки. Щиток находился в подвале. Двое ополченцев – Грубов и Матвиенко – бросились с фонарями вниз и через несколько минут, смертельно побледневшие, как-то вкрадчиво ступая, вышли обратно. Самообладания у бойцов хватило не пороть горячку. Паника – не вариант. Так уж получилось, что луч от фонаря Матвиенко высветил горку странных предметов в двух шагах от щитка. Комвзвода Стриж как раз проходил мимо. Грубов что-то шептал ему, задыхался от волнения. Офицер сориентировался быстро – на Северном Кавказе в начале двухтысячных и не такое случалось. Мурашки бегали по спине, но он действовал четко. Связь по рации с командирами отделений – быстро и без суеты уво-

дить людей. Как есть – в исподнем, босых, а если голые, то и голых! Только через задний проход, без шума, по одному, дабы из леса ни одна падла не заметила! Подошел к часовым – замечали что-нибудь подозрительное? Всплыла фигура коменданта, таскавшего мешки с углем. Какой на хрен уголь – начало августа на дворе! Коменданта взяли в его каморке – Опанас Софронович раскис, мямлил от страха. Телефонный звонок он так и не сделал. Его схватили под руки, поволокли. К этому времени здание уже опустело. Ювелирно сработать не удалось – заднее крыльцо общежития окружали сараи и кустарник, и все же диверсанты, залегшие на опушке, разглядели, как в окнах мелькают люди.

– Взрывай, Лесь, – распорядился старший. – Хватит ждать. Уже забегал этот муравейник.

– С любовью и нежностью, ватники драные... – зло-радно прошептал лежащий за поваленным деревом специалист-взрывник. – Ловите жаркий привет от неизвестного солдата. – И с нажимом повернул рукоятку.

– Осторожно, проводятся взрывные работы, – ухмыльнулся его товарищ по нелегкой «освободительной» борьбе.

Произошла заминка. Вследствие почтенного возраста и халатного обращения проржавел механизм замыкания контактов. Сигнал не прошел. Чертыхнувшись, специалист начал яростно работать рукояткой, потеряв драгоценные мгновения. Закладка в подвале сдетонировала, когда ополченцы выволокли упирающегося коменданта на крыльцо. Поче-

му он упирался, истории неизвестно. Ополченец споткнулся, Бабарыка вырвался и, обезумев от страха, бросился зачем-то обратно в общежитие. В этот момент и разверзлось половое покрытие первого этажа, с адским грохотом из подземелья вырвался столб огня, понеслась ударная волна, и началась безумная огненная феерия. Пятнадцать килограммов взрывчатки на небольшое здание – весьма ощутимо. От коменданта Бабарыки осталось «сухое место» – обгорелые кости и немного пепла. Пострадали ополченцы, не успевшие отбежать от общежития, их сбilo с ног ударной волной, опалило жаром. Раненых вынесли товарищи. Их жизни ничего не угрожало (не считая грядущих затруднений в общении с прекрасным полом – вследствие ожогов на лицах). Общежитие горело и взрывалось. В считанные минуты от здания ничего не осталось. Сгорели сараи, стоящие по периметру. Вспыхнул и превратился в обугленный остов грузовик, на котором прибыли ополченцы, – его не успели отогнать в безопасное место. Пожарная машина прикатила из соседнего городка Аметиста с похвальной быстротой, но тушить уже было нечего. Все, что осталось пожарному расчету, – следить, чтобы огонь не перекинулся на соседние здания. Окраина Ждановки превратилась во взорванный муравейник. Жители спешно покидали свои жилища, плакали дети. Ревели сирены машин экстренных служб. Ругались ополченцы в исподнем, скопившиеся за гаражами и местной подстанцией, – хотя в их ситуации уместнее было кричать от радости.

Как ни крути, а урон нанесли лишь имущественный (не считая коменданта). Все пятеро диверсантов находились на опушке. Посадить наблюдателя с обратной стороны общежития командиру в голову не пришло. Он уже понял, что потерпел фиаско: дорогостоящую взрывчатку выбросили на ветер. Командир запоздало отправил своего человека на разведку. Тот уполз и вскоре вернулся с неутешительными известиями. Исправлять косяк было нечем, к тому же, по уверению лазутчика, в квадрат прибыл спецназ ополчения, чтобы ловить диверсантов. Это был первый провал за неделю. Усугублять ситуацию не стоило. Последовал приказ – путать следы, всем отходить на базу. Пятеро «леших» в маскировочных халатах-лохмотьях отползали в лес, пропадали за деревьями...

К окончанию «банкета» в Ждановку действительно прибыла группа «истребителей диверсантов» – два отделения экипированных до зубов бойцов из батальона спецназа майора Шубина. Сам батальон размещался в Аметисте, находящемся в 15 верстах к югу от Ждановки, там он проходил изнуряющие тренировки, оттуда разъезжались по командировкам бойцы. Часть считалась образцовой, бойцы отлично зарекомендовали себя в минувших сражениях. С этими парнями диверсанты старались не связываться, их боялись как огня украинские военные. Крепкие мужики спрыгнули с джипов, рассыпались по периметру догорающего здания. Вокруг пепелища толпились ополченцы (эти парни родились, как

видно, в рубашках) – большинство успело вынести оружие, но одежда, личные вещи так и остались в казарме. Комвзвода Стриж докладывал обстановку невысокому, светловолосому капитану Турченко – заместителю комбата Шубина. Капитан слушал, не перебивая, косился на выбивающиеся из пепелища языки пламени – пожарные заливали их пеной. Личная команда из четырех человек – проверенный, дружный коллектив – находилась рядом. Все пятеро (включая Никиту Турченко) – Лебеденко, Копылов, Терновский, Гончар – восемь лет назад окончили Харьковское военное училище. Судьба разбросала их по свету, кто-то из выпуска уже ушел в иной мир, кто-то бросил армию, убыл за границу, кто-то воевал на противоположной стороне. Неприятно впечатленный Майданом, Турченко сам уволился из армии. Но когда в Донбассе началась заварушка, в числе первых записался в ополчение и начал подбирать себе команду, с которой и влился после Иловайского котла в батальон Шубина. Всю компанию Никита отыскал в Луганске, и долго уговаривать товарищей не пришлось – у каждого имелся свой счет к киевским властям. Без малого год, отдыхая лишь в короткие отпуска, они возились в этом дерьме, которое украинские силовики называли АТО, а их идейные оппоненты – отражением агрессии преступного режима. Лишь позавчера офицеры вернулись из окрестностей Марьинки, где «весело» проводили время под непрекращающимися обстрелами (какое же перемирие без демонстрации огневой мощи украинской

армии?), и уже сегодня их бросили на ЧП в глубоком тылу собственной армии.

– Что за хрень? – бормотал бывший старший лейтенант, командир роты в танковом учебном центре «Десна» под Черниговом Сергей Терновский – степенный, неспешный, успевший освоить после увольнения из армии нелегкую профессию лесника в одном из отдаленных районов Луганщины. Он хмуро созерцал сгоревший грузовой автомобиль, скорбные горелки бывшей казармы, распространяющие убийственные ароматы.

– Das авто, – простодушно пояснил бывший разведчик, а ныне заслуженный спецназовец Семен Гончар – плотно сбитый, с неувядающей хитринкой в глазах. – А das – хаус... Блин, арт-хаус какой-то... – Он начал брезгливо зажимать нос. – Слышь, командир, ты уверен, что мы приехали по адресу? Пострадавших нет. Ну, сгорела халупа – туда ей и дорога, все равно сносить пора было. Обычное бытовое разгильдяйство.

– Правильно. А небрежное отношение с динамитом приводит к улучшению генофонда человечества, – хмыкнул рослый и подтянутый Алексей Копылов. Этнический русский, до Майдана он служил в аэромобильной бригаде, расквартированной в Одессе – в одном из немногих боеспособных соединений на фоне всеукраинского развала. Когда начался бардак, сдал в штаб воинские документы, собрал единомышленников-офицеров и отправился в Крым – присягать

на верность российским властям. «Гопоту западенскую не люблю, – объяснял он свой выбор. – Запад хоть понимает, КОГО он привел к власти и чем ему это аукнется? Разорвать отношения с Россией во всех сферах, назначить ее главным врагом! С головой все в порядке? Ведь ясно, что от этого станет только хуже. Это даже не вредительство, это государственное преступление!»

Генофонд человечества по итогам происшествия не пострадал. Во всяком случае, не ухудшился. Двое обожженных и один погибший – самолично же и загрузивший в подвал взрывчатку. Никита Турченко внимательно выслушивал взволнованного комвзвода Стрижа. Личность коменданта Бабарыки волновала его меньше всего. Этот тип всего лишь сгрузил взрывчатку и установил взрыватель, реагирующий на радиосигнал. Он так и не успел покинуть здание, и подрыв произошел без его участия. Значит, человек, активировавший закладку, находился снаружи, в чем не было ничего странного – мусульманский мир далеко, с террористами-смертниками на Украине достаточно напряженно.

Дошло! Капитан заскрипел зубами. Проклятые «Тени»! Называют себя партизанами, досаждают ополчению и мирным жителям Донбасса, как досаждал прыщ на заднице! Долго думали над названием. Партизаны – это те, кто в тылу оккупантов воюет, а не те, кто с оккупантами заодно! Именно в этом районе в последнюю неделю активизировалась их деятельность! Он мысленно восстанавливал в памяти объек-

ты, подвергшиеся нападению.

«А ведь действительно! – осенило капитана. – Горгулинская чаща, примыкающая к Ждановке, самое удобное место для базирования диверсантов. Нападение на колонну под Алехино, кровавая баня в Пичугинском сельсовете, дерзкая атака на банк Новороссии в Язовке, текущий фейерверк в Ждановке... Эти направления лучами расходятся от Горгулинской чащи! Не такие уж они и титаны мысли! Но местечко для базирования «призраков» (как они себя горделиво величают) в принципе подходящее. Глухая чаща на площади около сорока квадратных километров, непроходимые дебри лещины, овраги, попадаются даже болота. И к сожалению, ни одной служебной собаки, способной взять след!»

– Славно погуляли, пироманы хреновы... – пробормотал обманчиво рыхлый и вечно кажущийся сонным Юрка Лебедеенко – тоже лейтенант, успешно освоивший на гражданке профессию охранника в банке. – Ну, что, командир, догоним и перегоним? – Он пристально уставился в глаза капитану. За аморфной внешностью бывшего однокашника по училищу прятались недюжинная сообразительность, выносливый организм и любовь к подвижным играм.

– Слушай сюда, товарищи офицеры, – распорядился Никита. – Бьюсь об заклад, это «Тени». Им не повезло, в противном случае шесть десятков наших товарищей уже бы превратились в прах и пепел. Имеется риск, что они еще здесь, но позволю себе в этом усомниться. Растворились, как в сер-

ной кислоте, мать их. Но от нас не уйдут. На рожон не лезть. В лес идет только наша пятерка. Проверить оружие и амуницию. Связь по рации. Командирам отделений с людьми остаться здесь и быть постоянно на связи. Незачем создавать толпу в лесу. Накроем банду – сами справимся.

– Справимся, Никита, – добродушно пробормотал Лебеде-
нко. – Терновского бы надо отправить...

– Именно, – усмехнулся капитан. – Действуй, Серега. Ты у нас лесник – то же самое, что леший. И в темноте видишь, как кошка. Осмотри опушку и не выключай рацию. Не светись. Докладывать каждую минуту – просто подавай условный сигнал. И не топай через поле, обойди. Мы тоже подберемся с фланга и будем ждать от тебя весточки.

Спецназ остался на месте происшествия, а пятеро специалистов по обезвреживанию вражеских разведывательно-диверсионных групп растворились в ночи. Относительно внятный доклад от Терновского поступил через десять минут.

– Командир, я в лесу, четко напротив общаги, – приглушенно сообщил «лесник». – Ориентир – расщепленная молнией осина. Тридцать метров на юг от ориентира – и углубляйтесь в лес.

– Мы на верном пути? – спросил Турченко.

– А то каждый охотник желает знать... – забурчал под нос Семен Гончар.

– Да, товарищи, верной дорогой идем, – подтвердил Терновский. – У диверсантов здесь было лежище. Я его обсле-

довал. Двое курили в рукав, третий грыз леденец на палочке, а у четвертого, похоже, задница зудела – ворочался, целый окоп протер. Их было около десятка, командир. Или немного побольше. Ушли примерно полчаса назад. Один за сучок зацепился – оставил на нем клочок маскхалата.

– Точно ушли? – уточнил Никита.

– Точно, командир. Выстроились в колонну по одному и гуськом убрались в лес. Засады я не чувствую. Откуда им было знать, что прибудет спецназ и решит прогуляться по их души?

– По следу сможем пройти? – Никита посмотрел на часы. Ночь благополучно стартовала, до рассвета оставалось часов пять. Диверсанты, конечно, будут плутать, путать следы, но не такие уж они следопыты, а эта чаща не такая бесконечная...

– Сможем, – уверил Терновский. – Это ночь, они сами ни черта не видят и будут повсюду оставлять следы... Подгребайте ко мне.

– Может, подогнать бригаду-другую и окружить лес? – задумчиво почесал небритый подбородок Гончар. – Ни одна мышь тогда не проскочит.

– Можно, – согласился Никита. – И будем ждать, пока у них в лесу патроны кончатся. Сема, ты голову давно проверял? Мы можем снять с позиций всю нашу армию, чтобы окружить этот долбанный лес. Но тогда эти милые люди будут отстреливаться, бросаться гранатами, ставить повсюду рас-

тяжки, и победа будет пирровой, вследствие тяжелых потерь. В этом отряде сплошные фанатики и наци, там нет мобилизованных, будут биться до последнего. Нам это надо? А так мы их накроем тихонечко, малыми силами, не числом, а умением. Мы же не собираемся сегодня умирать?

– Уж я-то точно нет, – проворчал Гончар. – Мне сегодня, между прочим, тридцатник исполняется, хочется отметить, как все нормальные люди, а не с пулей в башке.

– Вот и договорились, – хмыкнул капитан. – За работу, товарищи офицеры. И не забываем, что на нашем пути могут встретиться растяжки, мины, небольшие карательные отряды и прочие неожиданные вещи, включая полноценную засаду...

Маленький отряд воссоединился через несколько минут. Компактные фонари освещали примятости в траве. Терновский прополз по земле, потом поднялся на корточки, начал углубляться в лес. Остальные бесшумно следовали за ним, укрываясь за деревьями, напряженно вслушиваясь в звуки ночного леса. Замирали, когда ломалась ветка под напором ветерка, глухо ухала ночная птица, перелетала с ветки на ветку, шумно махая крыльями. «Эти парни далеко не лешие, – бормотал Терновский, припадая к земле. – Не сказать, что ступали след в след – попробуй наступи в такой темени. Но шли кучно, друг за дружкой, хорошо протоптали тропу». Растяжку обнаружили на пятой минуте и едва не вляпались в нее по самые уши!

– Сема, стой... – внезапно захрипел Копылов. По счастливой случайности свет от его фонаря плясал по ногам впереди идущего Гончара. А когда тот никак не среагировал, схватил его за плечо, зашипел. – Стой, слепая тетеря, погубишь всех...

– А чего слепая-то? – спросил Семен и заткнулся. Копылова не проглючило. Тонкая нить, мелькнувшая в бледном свете, не имела ничего общего с предметами природного происхождения. Вернулся побледневший Терновский – именно на этом участке черт его дернул сместиться на полметра левее!

– Никому не шевелиться... – Никита опустил на корточки. Растяжка оказалась короткой – не больше метра. Она упиралась в трухлявый пенёк, в который диверсанты и засунули Ф-1. В случае взрыва начисто разнесло бы не только этот пенёк, но и окружающие деревья и всю беззаботную компанию, не знающую, что творится у нее под ногами! Никита осторожно вытащил гранату, снял проволочную петлю с рычажка взрывателя. Лучше не проходить мимо такого вопиющего явления. Рано или поздно на гранате подорвется какой-нибудь грибник или сборщик ягод. Украинским диверсантам на это плевать, но в том и разница между украинскими диверсантами и «бездушными пророссийскими террористами»...

– Фу, мужики, простите, недоглядел, – шумно выдохнул Гончар. – Как колыбельную в голове на барабане отстуца-

ли...

– То ли еще будет, – усмехнулся Копылов. – Чем дальше в лес, тем истеричнее «ау», как говорится. Но, думаю, других растяжек мы не встретим.

– И все же посматривайте под ноги, – посоветовал Никита. – А с тобой, именинник, мы поговорим отдельно. Расслабился ты на свой тридцатый день рождения. Вперед, товарищи офицеры. До рассвета мы должны раскупорить этот гадюшник...

Возможно, у этого парня тоже имелся прибор ночного видения, но воспользоваться им он не успел. Шевельнулось что-то под разверзшимся корневищем отмирающего дерева, привстало на колени, почесалось. Только он, больше никого. Часовой обходил окрестности своей базы, пристроился отдохнуть от трудов праведных. Лебеденко бросился первым, навалился, сдавил предплечьем горло. Диверсант хрипел, брыкался, но никому еще не удавалось вырваться из страстных объятий Лебеденко. Соппротивление слабело, движения делались судорожными, вялыми. Тело затихло. Лебеденко отдышался и для верности ударил локтем в горло, переломив шейные позвонки.

– А это зачем? – подползая, прошептал Копылов.

– Для улучшения качества обслуживания, – объяснил Лебеденко. – Ты не в курсе, что иногда они возвращаются?

Спецназовцы подползали ближе. Лес сгустился, мест-

ность была изрыта мелкими, но обрывистыми оврагами. Деревья возвышались над ними, как какие-то сказочные уродцы. Данный квадрат располагался в низине. Чувствовался неприятный душок – поблизости находилось болото. Никита посмотрел на светящиеся стрелки. Ночь куда-то канула – почти четыре часа маленький отряд спецназа метр за метром осваивал чащу. Злости не было предела. Но, кажется, пришли. Старались не дышать. С физиономией покойника ознакомились без любопытства. Невысокий жилистый тип, закутанный в маскировочную накидку и распространяющий убийственный запах рефтамида – с комарами и прочими кровососущими в низине был полный порядок (спецназовцы, в отличие от диверсантов, предпочитали нейтральный репеллент из высушенных трав). Люди окружали низину, ползли мимо кочек и извилистых ветвей кустарника. Никита первым преодолел чавкающую канаву и застыл на косогоре. Сердце понесло вскачь. Вот они, проклятые, – вся база как на ладони! Небольшая низина, с одной стороны овраг, с другой – кустарник. Три палатки, покрытые маскировочной сетью – с вертолета не различишь. Да еще деревья плотно окружали участок местности. Неподалеку журчал ручей – ясное дело, чтобы по воду далеко не бегать.

Спецназовцы выжидали, присматривались к обстановке. Из темноты проявлялись очертания обложенного камнями костровища. Между рогатинами висел пустой котелок. Неподалеку громоздились какие-то деревянные ящики.

Условный шепот в эфире, и все пятеро стали подползать с разных направлений. Снова что-то зашевелилось в мутном пространстве. Отогнулось брезентовое полотнище, закрывающее вход в палатку, вывалилось тело, разогнуло колени и поволоклось в сторону ручья. Из открытой палатки доносился богатырский храп.

«Плохо, ребята, плохо, – мысленно корил диверсантов Никита. – Один часовой, и тот непонятно чем занимался. Расслабились вы в свете удач...»

Видимо, весь отряд находился на месте. Группа, потерпевшая фиаско в Ждановке, вернулась час или полтора назад (их скорость была выше, чем у людей Турченко) и завалялась спать. Все правильно, утро вечера мудренее. Боевику позволили справить нужду и даже сделать несколько глотков воды, склонившись над ручьем. Потом его накрыли крылья ангела смерти, хрустнули шейные позвонки, и очередной покойник повалился на землю – хорошо хоть не в ручей.

– Ну, что, командир, в сборе весь карательный гей-отряд? – возбужденно зашептал на ухо Терновский. – Пленных брать будем?

– По обстановке. – Никита поморщился. В идеале надо, но перспектива волоочь кого-то через лес откровенно не прельщала. Впрочем, если эти господа сами изъявляют желание сдаться и пройтись...

– Доброе утро, господа диверсанты!!! – проорал он громовым голосом. – Просыпаемся, выходим по одному, ору-

жия не касаемся! Вы окружены ротой спецназа Луганской Народной Республики!

Шухер был отменный. Спецназ вполне мог закидать палатки гранатами, но снова эта «ложная» порядочность – не убивать тех, кто не может оказать сопротивления. Пусть возьмут оружие, начнут сопротивляться... Полуодетые диверсанты с воплями выбежали из палаток, передергивая затворы.

«Огонь, хлопцы, они блефуют!!!» – истошно заорал кто-то. Двое или трое успели полоснуть из АК-74, и это стало главной ошибкой в их жизни. С четырех направлений лагерь накрыл шквал огня! Он кромсал палатки, разбрасывал деревянные ящики, впивался в тела дезориентированных людей. Это был какой-то круговорот живых и мертвых тел! Они кувыркались, как в стиральной машине, пытались разбежаться, но бежать было некуда, и диверсанты падали, наспигованные свинцом. Какой-то юркий тип перекувырнулся через голову, увильнул от автоматной очереди, но от второй увильнуть не смог и грохнулся всей массой, переломав отлетевший ящик.

«Реально сыграл в ящик», – подумал Никита. В считанные мгновения дюжина людей переселилась в мир иной, а их тела остались лежать вокруг ручья в «произвольных» позах. Две палатки были повалены и разорваны свинцом. Если там и оставался кто-то, от него мало что уцелело. Третья палатка стояла в стороне, из нее никто не выбегал, по ней не стреля-

ли. И вдруг оттуда прозвучал истошный картавый вопль:

– Don't shoot!!! We are citizens of another state!!!

Ополченцы уже вышли из укрытий. Застыли, стали недоуменно переглядываться. Палатка кричала на чистейшем английском языке. Ополченцы подошли ближе, держа автоматы наизготовку. Знанием иностранных языков на уровне детского сада владели все, и общая направленность послания была понятна.

– Come out, we won't shoot! – крикнул Никита, на всякий случай смещаясь подальше от входа в палатку. – And no nonsense, we got grenades!

– You bastards! Bastards! It's the terrorists! Shoot them! – внезапно прозвучал второй истошный вопль – практически фальцет, и из палатки выкатился человек – проворный, стрелительный. Вскочил, вскинув автомат. Но уже летела граната, брошенная Никитой, – та самая Ф-1 из неудавшейся растяжки. Он рыбкой метнулся за горку камней у погашенного костра, краем глаза отметив, что разлетаются все. Граната взорвалась практически под ногами автоматчика – мощная, оборонительного характера, выбрасывающая вместе с осколками избыточную энергию и способная доставить массу неприятностей тому, кто не успел спрятаться. Взрывом порвало палатку вместе с содержимым, изодрало в клочья тело незадачливого автоматчика.

Люди осторожно приблизились, держа пальцы на спусковых крючках. В живых, похоже, никого не осталось – вклю-

чая иностранцев, которые сами выбрали свою судьбу. Гончар первым вышел к палаткам, изумленно посмотрел по сторонам, на светлеющее небо, покачал головой.

– Утро в сосновом лесу, блин... Зашибись тридцатилетие праздную. Ба, да этот придурок еще живой, – изумился Семен, глядя на подрагивающее тело, на котором почти не осталось живого места. Он с натугой усмехнулся. – Киборг, в натуре киборг... Мал, да удал, как говорится. А что, пацаны, кто знает – киборг без головы еще долго будет отстреливаться?

– Дурак ты, Семен, – опустил на корточки Терновский. – Это же баба.

Включили фонари, и пришлось констатировать, что обладателем фальцета при жизни являлась женщина. Невысокая, прыщавая, некрасивая, плотно сбитая, с сальными волосами, но, как ни крути, самая настоящая женщина. Щеку порвало осколком, но в глазах застыла неутолимая злость, в них переливался ледяной блеск. Женщина вздрогнула в последний раз и тихо преставилась. Никита смотрел в ее наполненные злобой глаза и не мог избавиться от мысли, что она еще не знает, что умерла.

– Неудивительно, что эта фурия ночует в одной палатке с мужиками, – хмыкнул Копылов. – Думаю, как баба, она их нисколько не прельщала. Кто такие, командир? Иностранные наемники? Партизанили вместе с этими хохлами?

– Как-то непохоже, жили вроде отдельно... – Никита на-

хмурился и отбросил ногой клочки порванной палатки. Показались еще два тела – мужские, тоже плотно сбитые, обоем под сорок, светловолосые, типичные представители белой расы, но решительно не славяне. Характерные породистые лица – ухоженные, холеные. Все трое находились при оружии, но, в отличие от украинцев, носящих камуфляж и маскхалаты, были одеты в штатское. Джинсовые костюмы, скрученные ветровки, которые они использовали в качестве подушек. Валялись растерзанные заплечные сумки, початая бутылка колы, цветные обертки какой-то нехитрой снеди.

– Туристы, – пожал плечами Лебедеенко. – Жалко, командир, хорошо бы было допросить хоть кого-нибудь.

– Мертвых не допрашивают, – отрезал Никита. – Шабаш, убиты при оказании сопротивления.

Он снова посмотрел на часы. Начало пятого утра. Тьма рассеивалась, подкрадывалось утро – слава богу, не самое худшее утро на этой войне. Все живы, банда диверсантов, заброшенная в тыл молодой республики, полностью уничтожена. Двенадцать тел валялись в живописных позах, напичканные до отвала свинцом. Все мужики небритые, неухоженные, впитавшие в себя все прелести лесного духа. Были молодые, от силы двадцать – двадцать пять, были постарше. Грузному мужику, разлегшемуся поперек ручья с пулей в седой голове, было не меньше пятидесяти.

– Наигрались в партизан? – презрительно вымолвил Копылов, носком сапога переворачивая мертвеца, впившегося

ногтями в землю. И откуда такая резвость в мертвом теле?! «Мертвец» подлетел – словно током ударили! И бросился наутек с низкого старта – только пятки засверкали. Как удачно исполнил роль покойника! Все ахнули. Но Копылов не дремал – нагнулся, подобрал валяющуюся под ногами жердину – ее не успели разрубить на дрова – и швырнул вдогонку. Жердина обернулась в воздухе параллельно земле и сбила с ног беглеца. От мощного удара он сделал кувырок и, видимо, что-то сломал – истошный вопль сменился хрипом. Он пытался подняться, но не смог, снова рухнул.

– Русское кунг-фу, – хвастливо заявил Копылов.

– Главное, чтобы оглобля не сломалась, – сказал Гончар.

Незадачливому беглецу, похоже, перебило ноги. Он копошился, выпускал жалобные рулады. Когда спецназовцы приблизились, он уже лежал на спине, тяжело дышал, обливался потом. Это был молодой паренек, от силы лет восемнадцать. Он пытался сохранить самообладание, но страх не давал это сделать – он посерел от страха, обливался испариной, лицо увечила какая-то шутовская гримаса.

– Вот она какая – карикатура, – нескладно пошутил Гончар.

– Да пошли вы... – прохрипел парень и сам пришел в ужас от своей дерзости. Задергался, задышал с надрывом, а когда Лебеденко без комментариев приставил к его голове ствол АКС, чуть сознания не лишился.

– Вы не можете меня застрелить... – просипел он на пре-

красном русском языке.

– Это незаконно? – удивился Лебеде́нко. – А сколько вы мирных жителей положили только за последнюю неделю – это законно?

– Молодой какой, – фыркнул Терновский. – Мамка на войну отпустила? Да еще и благословила на прощание: мочи, сыночек, всех этих недочеловеков направо и налево? Чего напрягся?.. А, извини, проклятый энурез...

– Ладно, – перебил Никита. – Хорош острить. Мы сегодня добрые. Будешь вести себя пристойно – не станем делать из тебя шашлык. Ты жив, парень, согласи́сь, это знак, который послали тебе небеса. Но только вякнешь или откажешься говорить правду – и в твоей жизни произойдут серьезные перемены, гм... Это весь ваш отряд? – Он кивнул на разбросанные по поляне тела.

– Весь... Нас тринадцать человек...

– Кто командовал группой?

– Майор Галичук...

– Вот этот лось. – Терновский ткнул носком в перекрывшего русло ручья мертвеца. – Проходит по всем ориентировкам. Воевал в Афганистане в составе советского контингента, был в Ираке с украинским контингентом. Большой приверженец правого экстремизма. Имеются фотографии, как он возглавляет факельное шествие во Львове – экипировка и наглядная агитация участников шествия весьма и весьма недвусмысленные...

– Говорят, у шестивия нет причин и нету следствия... – пробурчал под нос Семен.

– Имя? – нахмурился Никита.

– Валя я... – захныкал пленный. – Валя Загоруйко...

– Ладно, хоть не Котик, – скабрёзно ухмыльнулся Копылов. – Юный партизан ты наш. Мобилизованный, какой же еще? Все так говорят. Насильно рекрутировали, отправили за кордон убивать невинных, но ты этого не хотел. Данную часть своей исповеди можешь смело опустить, дружок.

– Из Ждановки в котором часу ваши вернулись? – продолжал допрос Никита.

– Не помню я... Часа два назад... Мы спали уже. Галичук сам ходил. Злые вернулись, не срослось у них там что-то... Рычал, что утром будет ставить новую задачу, а сейчас всем спать...

– В вашем лагере жили трое иностранцев. Мужики и баба. Кто они?

– Так звідки ж мені знати... – От волнения «юный партизан» перешел на родную мову.

– Не врать! – рывкнул Никита, и парень сжался, испустил ударную волну страха, отчетливо пахнущую экскрементами.

– Хорошо, я скажу, я скажу... – заканючил теряющий остатки выдержки диверсант. – Но мы, правда, мало знаем, нам ничего не говорят... Не знаю, как их фамилии, бабу зовут вроде Барбара, а тех двоих – Смит и... – Пленный нату-

жился, выдавливая комок из горла.

– Вессон, – пошутил Гончар.

– Харви... О, це же таке... – Загоруйко надрывно кашлял. – Их привели сюда позавчера, поселили отдельно, велели не приставать к людям, особенно к бабе... Борька Нечипорук мне по секрету сказал, что это американцы, снайперы из какой-то частной военной конторы. Их тайком переправили через кордон с важной миссией – вроде на машине с овощами, а отсюда переправят дальше... Поживут дня три в лесу, и их заберут... Не знаю, кто и куда, не знаю, какая у них миссия... Откуда мне знать, я простой солдат... Они с нами почти не общались, смотрели, как на каких-то плебеев, словно мы не люди... Баба вообще почти не разговаривала, только со своими иногда... Брезгливые какие-то, странные...

Загоруйко снова закашлялся, застонал от боли в сломанной ноге. Рассвет разгорался. Арена побоища представляла в полной красе – до всех оттенков гримас на лицах мертвецов. На голову убитой женщины, ничуть не смущаясь, опустилась ободранная ворона. Посидела, потопталась и взлетела, подалась к ближайшему дереву.

– Ладно, мужики, – сказал Никита, доставая рацию. – Вечеринка по случаю Семиных именин закончена. Вызываем вертолет. Подготовьте этого упыря к транспортировке. В контрразведке его допросят более продуктивно. Важных птиц мы сегодня, похоже, кокнули, но расстраиваться не бу-

дем.

– Не упустили же, – улыбнулся Лебеденко, – нас про них никто не предупреждал.

Устали за ночь дико. Ополченцы волочили ноги к краю поляны – подальше от мертвечины и ее поедателей. Связанный Загоруйко остался возле костра, жалобно постанывал.

– На базу, мужики, сил моих больше нет... – виновато улыбался Семен, растягиваясь в траве. – За наградами, за славой. Может, дюлячек навешают, что не взяли заморских гостей живыми. Ну, уж извиняйте... Эх, выпил бы я сейчас немного... – мечтательно вздохнул Семен.

– Почему немного? – удивился Лебеденко. Семен задумался. Вопрос действительно был со смыслом.

– Вернемся – выпьем. – Копылов покосился на молчащего командира. – Грешен, мужики, заначил полкило белой и имею стойкое желание с ней разобраться самым циничным образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.